

УДК 821.161.1
ББК 81.2-5

С.В. Коростова

**СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ
КАТЕГОРИИ ЭМОТИВНОСТИ
В РОМАНЕ ВАСИЛИЯ
АКСЕНОВА
«ОСТРОВ КРЫМ»**

Статья представляет собой исследование функционально-семантической категории эмотивности в романе В. Аксенова «Остров Крым». Анализ эмоционального пространства текста романа проводится с учетом функционирования микрополей эмотивности, актуализированных различными языковыми средствами. Особое внимание уделено синтаксическим конструкциям, выражающим эмоциональное состояние персонажей романа и авторский субъективно-модальный план.

Ключевые слова: *литературная коммуникация, микрополя эмотивности, эмотивное высказывание, авторская ирония.*

DOI: 10.18522/1995-0640-2015-4-115-123

Коростова Светлана Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-905 429-87-01
E-mail: svetolen@yandex.ru

© Коростова С.В., 2015.

Вербализация эмотивно-оценочных смыслов и их раскодирование определяют процесс литературной коммуникации, в которой автор стремится максимально точно передать эмоциональное состояние персонажа, одновременно эксплицируя свой субъективно-модальный план.

В романе «Остров Крым» Василий Аксенов воплощает одну из популярных идей о судьбоносной роли России в мире. Однако сюжетная полужанровая, отчасти пророческая история необходима автору еще и потому, что только так он смог выразить те чувства, то эмоциональное отношение к русским людям и России, которые обострились в период его эмиграции. Эмотивное пространство романа В. Аксенова «Остров Крым» включает диалоги персонажей, внутреннюю речь главных героев, авторские оценки и комментарии. В самом объективированном повествовании от 3 лица автор предстает не сторонним наблюдателем, но соучастником событий, переживающим за судьбу героев.

Структура функционально-семантического поля эмотивности, актуализирующегося в тексте романа в виде эмотивно-оценочных смыслов, определяется его полицентричностью. Полицентричность эмотивности связана с существованием нескольких центров, зон эмотивности, функций и способы выражения которых зависят от соотношения в семантике языковых единиц эмоционального и рационального, интеллектуального [Коростова, с. 99].

Микрополя эмотивности находят свое целостное отражение в

художественном тексте, поскольку именно литературная коммуникация представляет собой особое эмотивно-оценочное пространство диалогического взаимодействия, идущего по нескольким направлениям: автор – читатель, автор – персонаж, персонаж – персонаж и др.

Первое микрополе/зона эмотивности – микрополе импульсивности – актуализируется за счет реактивов, или импульсивов, т.е. тех языковых средств, в семантике которых эмотивность является компонентом денотативного значения, а значит, реализация эмотива в речи происходит на уровне бессознательного, рефлексивного, причем не учитывается адресованность речевого акта, его ориентация на другого. К таким языковым средствам можно отнести междометия, инвективы, лексические эмотивы, специальные фразеологизмы эмотивного характера, включая устойчивые сравнения, эмотивные коммуникемы.

Эти языковые и речевые единицы доминируют в речи героя романа Андрея Лучникова, главного редактора местной газеты, сына миллионера-врэвакуанта («временного эвакуанта», дворянина, верящего в скорое падение СССР), и в авторском повествовании, которое, в традициях постмодернистского текста, имплицитно граничит субъектно-модальных планов автора и персонажа. Василий Аксенов вводит в текст романа просторечную и эмотивно-оценочную лексику, выходящую за границы нормы, она выражает эмоциональное состояние героя и в диалоге, и во внутренней речи, например: «...в "Курьере" дня не проходит без таких звонков. **Чекистский выкормыш, блядь кремлевская, жидовский подголосок** – как только они меня **не кроют...** придушим, утопим, **за яйца повесим...**; **...талдычат нам о зверствах большевиков, но разве и вы не были дерьмом? Папыцы и мастодонты, торгаши и дебилы всерьез рассуждают, видите ли, о Возрождении...**».

Языковые способы выражения эмоционального состояния, как правило, связывают с эмотивностью высказывания, поскольку оно отражает воспринимаемую ситуацию и ее эмоциональную оценку субъектом речи. Анализируя языковые проекции эмоционального состояния говорящего человека, французский лингвист Жан Дюррен выделил несколько сфер когниции, или «когнитивные подмиры человека», причем представленная им нолевая сфера, сфера ситуационного непосредственно связана с выражением аффективных внутренних состояний. В статье «О стереолингвистике» дана исчерпывающая характеристика нолевой сферы: «...она в какой-то мере является "инфра-языковой", она как будто существует до той парадигмо-синтагматической "игры", которая со времен Соссюра считается самой существенной чертой явления "человеческая речь" с двойной артикуляцией (double articulation)» [Дюррен, с. 274–276]. Нельзя не согласиться с автором, что сегментная часть высказываний типа «**Держи карман шире!**» или «**Этого не хватало!**» стала автономной по отношению к супraseгментной, для них важнее интонация, нежели лексико-грамматическая структура. Именно эти нечленимые высказывания, коммуникемы, реактивы (по типологии Г.А. Золотовой) наиболее близки some (телу) говорящего, отражают его

импульсивную реакцию и не связаны с логическим мышлением. Сфера первая связывается со стандартной ситуацией общения, сценой, актуальной картиной мира, которая обычно совпадает для двух собеседников.

Сфера вторая дает представление о нормальном окружении и нормальном поведении каждого из собеседников, их привычной жизни. Она соотносима в художественном тексте с микрополем эмотивной оценочности, в реализации которого задействовано интеллектуальное начало, причем оно минимально, доминирует эмоциональность (бранные слова, эмотивные синтаксические конструкции с частицами «какой, как» типа *Какой прекрасный вид!*, коммуникативы типа *Где наша не пропадала!* и т.п.).

В романе «Остров Крым» данное микрополе отчасти представлено в авторском повествовании, но преобладает в диалогах персонажей. Например:

– *Сейчас спрошу, где ты не был, – улыбнулся Лучников. – В Штатах не был?*

– *От берега до берега, – ответил Антон.*

– *В Индии не был?*

– *Сорок дней жил в ашраме. Пробирались даже в Тибет через китайские посты.*

– *Скажи, Антоша, а на что ты жил весь этот год?*

– ***В каком смысле?***

– *Ну, на что ты ел, пил? Деньги на пропитание, короче говоря?*

Антон расхохотался, слегка театрально.

– ***Ну, папа, ты даешь! Поверь мне, это сейчас не проблема для... ну, для таких, как я, для наших. Обычно мы живем в коммунах, иногда работаем, иногда попрошайничаем. Кроме того, знаешь ли, ты, конечно, не поверишь, но я стал совсем неплохим саксофонистом...***

Типичные для разговорной речи коммуникемы, обычно выражающие удивление, недоумение, т.е. эмоционально-оценочную реакцию на реплику собеседника, как правило, используются автором в диалогах, репрезентирующих неконфликтную ситуацию, как в предшествующем фрагменте текста.

Для текста романа характерным можно считать процесс перехода авторского повествования во внутреннюю речь персонажа, при этом маркером плана персонажа служит негативная эмотивно-оценочная лексика. Например, во фрагменте текста, представляющем портрет оппонента Лучникова, его бывшего соученика Игнатьева-Игнатьева: ***... прочила, чрезвычайно нескладный мерин, с отвратительной улыбкой, открывающей все десны и желтые вразбой зубы, с прямым клином вечно грязных волос...***

Кроме того, автор репрезентирует свое отношение к изображаемому в романе уже в номинации глав, которая представлена инвективами и эмотивами с отрицательной оценочной коннотацией: ***IIIХ.....моти-***

на, VI *Проклятые иностранцы*, VI *Декадентщина*, IX *Недопаренность* и под.

Внутренняя речь и диалоги персонажей содержат как лексические, так и синтаксические средства выражения эмотивной оценочности, в частности эмотивные высказывания разговорного характера, парцелированные конструкции, например: Тяжесть налила все его тело. Тело – свинцовые джунгли, душа – загнанная лиса. *Мрак висел теперь, как овальное тело, возле уютной люстры. Сволочь Бутурлин разглагольствует тут, развивает государственные соображения, а в это время СВРП разрабатывает детали охоты. На меня. На живое существо.*

На наш взгляд, специфика парцелированных конструкций, функционирующих в романе В. Аксенова «Остров Крым», заключается в том, что, входя в систему средств экспрессивного синтаксиса, они одновременно маркируют категорию эмотивности, поскольку основной целью их реализации в художественном тексте является выражение эмоционального состояния субъекта речи.

Поле эмотивной оценочности во внутренней речи, представляющей рефлексию персонажа на внешние диалоги, события, может быть представлено бранной лексикой, в которой негативно оценочная коннотация нейтрализуется за счет общей мелиоративной оценки ситуации, например: *Лучников подумал: вполне сносная жена для Антошки. Вот бы поженились, гады.*

Микрополе прагматической эмотивности также может быть представлено нечленимыми предложениями непонятной семантики, в которых преобладает интеллектуальное, рациональное оценочное начало, сопровождаемое информацией о психическом состоянии говорящего в речевом акте воздействия, направленном исключительно на собеседника. Кроме коммуникативов, в названное микрополе могут входить восклицательные и вопросительные предложения, энантиосемичные высказывания, обращения, лексический и синтаксический повторы. Микрополе прагматической эмотивности типично для авторского повествования и для внутренних диалогов главного героя романа, перемежающихся авторскими комментариями. Например: *«Интурист» англичанами занимался из рук вон плохо, часами мариновал на вокзалах, засовывал в общие вагоны, кормили частенько в обычных столовках – вряд ли когда-нибудь Лучников столь близко приближался к советской реальности.*

Специфично для постмодернистского нарратива, к которому относится и роман В. Аксенова, синкретичное повествование, в котором граница между авторским и персонажным планами не ощутима, графически не обозначена. Причем и в самом синкретичном нарративе эмотивность создается не только лексическим наполнением конструкций, но и за счет введения чужой речи, речевого плана другого персонажа. Например: *Андрею тогда на политику было наплевать, он вообразил себя поэтом, кутил, восторгался кипарисами и возникающими тогда «климатическими ширмами» Ялты, таскался по дансингам за будущей*

матерью Антона Марусей Джерми, и всюду, где только ни встречался с Юркой, слегка над ним посмеивался.

Игнатьев-Игнатьев тоже вращался в ту пору вокруг блистательной Маруси, но никогда ей не объяснился, никогда с ней не танцевал, даже вроде бы и не подходил ближе, чем на три метра. Он носил какое-то странное полувоенное одеяние с волчьим хвостом на плече – «Молодая Волчья Сотня». Чаще всего он лишь мрачно **таращился** из угла на Марусю, иногда – после пары коктейлей – цинично улыбался огромным своим мокрым ртом, а после трех коктейлей начинал громогласно ораторствовать, как бы не обращая на итальяночку никакого внимания. Тема тогда у него была одна. **Сейчас, в послесталинское время, в хрущевской неразберихе, пора высаживаться на континент, пора стальным клинком разрезать вонючий маргарин Совдепии, в неделю дойти до Москвы и восстановить монархию.**

Особое место в микрополе прагматической эмотивности занимает языковая игра с советскими лозунгами, семантическая трансформация высказывания, которое приобретает иронические коннотации. Например: ... *Гражданам развитого социализма швырять нечего, кроме своих суточных* (ср. Пролетариату нечего терять, кроме своих цепей). Прецедентные тексты лозунгов и комментарии к ним становятся маркерами эмотивно-оценочного, ироничного отношения автора и персонажа к советской действительности, например: *Дальше пошло все гуще: «Мы придем к победе коммунистического труда!», «Планы партии – планы народа!», «Пятилетке качества четкий ритм!», «Слава великому советскому народу, народу-созидателю!», «Искусство принадлежит народу!», «Да здравствует верный помощник партии – Ленинский комсомол!», «Превратим Москву в образцовый коммунистический город!», «СССР – оплот мира во всем мире!», «Идеи Ленина вечны!», «Конституция СССР – основной закон нашей жизни!»... Печенег, подъявший длань, печенег в очках над газетой, печенег, размножающийся с каждой минутой по мере движения к центру, все более уверенный, все менее потерянный, все более символизирующий все любимые им символы, все менее похожий на печенега, все более похожий на Большого Брата, крупнотоннажный, стабильный, единственно возможный... наконец над площадью Белорусского вокзала возникло перед Лучниковым его любимое, встречу с которым он всегда предвкушал, то, что когда-то в первый приезд потрясло его неслыханным словосочетанием и недоступным смыслом, и то, что впоследствии стало едва ли не предметом ностальгии, печенежье изречение: «Газета – это не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, она также и коллективный организатор!»*

Фраза эта, развернутая над всей площадью, а по ночам загорающаяся неоновым огнем, была по сути дела не так уж и сложна, она была проста в своей мудрости, она просвещала многотысячные полчища невежд, полагающих, что газета – это всего лишь коллективный пропагандист, она вразумляла даже и тех, кто думал, что газета – это коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но не дотягивал до конечной

мудрости, она оповещала сонмы московских граждан и тучи «гостей столицы», что газета – это также и коллективный организатор, она доходила до точки.

Особенность внутренней речи Андрея Лучникова, единственного персонажа, который и во внешней, и в интроспективной речи использует ненормативную лексику, состоит в том, что она графически не выделяется в авторском повествовании, хотя имеет место и такое явление, когда граница между авторской и персонажной сферами становится условной, например: *Он злился. Двое уже знают некий секрет, который собираются преподнести третьему, несведущему. Хочешь не хочешь, но в эти минуты чувствуешь себя одураченным.*

Степень эмотивности внутренней речи персонажей в романе оказывается на порядок выше уровня эмотивности диалогов. Возможно, это происходит потому, что интроспективные диалоги-размышления имплицитно ориентируют точку зрения на события не только самого субъекта речи, но и автора, например:

*... Марлен Михайлович перевернул страницу и, вдруг уловив в воздухе нечто особенное, затормозил на минуту и поднял глаза. То, что он увидел, поразило его. Все присутствующие застыли в напряженном внимании. Все, не отрываясь, смотрели на него и даже «Пренеприятнейший» потерял свою мину пренебрежения, даже мешочки на его лице как бы подобрались и обнаружились остренькие черты его основного лица. Тут, наконец, до Марлена Михайловича дошло: вот она – главная причина сегодняшнего высокого совещания. Обеспокоены «поворотом на 180 градусов», перепугались, как бы не отплыл от них в недостижимые дали Остров Крым, как бы не отняли того, что давно уже считалось личной собственностью. Ага, сказал он себе не без торжества, **шапками тут нас не закидаешь.***

*Впоследствии Марлен Михайлович, конечно, самоедствовал, клял себя за словечко «нас», казнил, что в минуту ту как бы отождествил себя с «идеалистами», встал как бы в стороне от партии, но в эту конкретную минуту он испытал торжество. **Ишь ты, десанниками дело хотел решить! Какой прыткий! Никого он, видите ли, не знает и знать не хочет, лидер человеческих масс, фараон современный! Знаешь, боишься, трепыхаешься в растерянности, даже и соседа своего через два стула боишься. Впрочем, соседа-то, может быть, больше всего на свете.***

Во фрагменте текста – внутреннем диалоге с возможным собеседником – микрополе эмотивной оценочности представлено коммуникативными и восклицательными конструкциями. В градации чувственно-ментальных действий (знаешь, боишься, трепыхаешься) преобладает интеллектуальное начало, что дает возможность говорить об актуализации микрополя прагматической эмотивности.

Критическое осмысление художественного пространства романа происходит в 80-е гг. прошлого века в контексте возвращенной литературы русского зарубежья, причем акцент делается на идее обличения советского тоталитаризма, модной в постперестроечную эпоху. Так,

в кандидатской диссертации И.В. Попова, посвященной творчеству В. Аксенова, отмечается, что «многие исследователи вновь обратились к «советскому» писательскому опыту писателя, к его «шестидесятничеству», и именно с этой эпохой стали связывать развитие его последующей прозы. ... А. Немзер, рецензируя российскую публикацию «Ожога» и «Острова Крым», отмечает, что писатель, несмотря на свой отход от идеалов «шестидесятничества», достаточно крепко связан с 1960-ми духовно. Критик делает вывод, что «Аксенов – поэт каникул, сознательного самообмана, которому подвластен едва ли не каждый из нас», имея в виду оптимистический настрой молодежи того времени, сохранившийся и в последующих произведениях писателя» (Цит. по: [Попов, с. 3–4]).

Действительно, фрагменты романа «Остров Крым», в которых воплощается образ молодого Антона Лучникова, представляют собой восторженное, полное оптимизма и веры в собственные силы эмоциональное пространство. Например:

*– Вы, девки! Не трогайте моих предков! – кричал Антон. – Папаша, можно я возьму твой «Турбо»? Нельзя? Как это говорят у вас в Москве – «жмот»? Ты – старый жмот! Дед! Одолжи на часок «Роллс»? Жмоты проклятые! Врэвакуанты! Яки **поделится последней рубахой.***

Диалоги, в которых участвует Антон, в отличие от прямой речи и внутренних монологов главного героя Андрея Лучникова, почти не содержат ненормативной лексики, инвектив. Интенсификация эмоциональной речи создается за счет актуализации микрополя эмотивной оценочности, представленного восклицательными конструкциями разговорного характера, яркими эмотивно-оценочными фразеологическими оборотами, отражающими эмоциональное состояние молодого «максималиста», например: *...Яки – это нация молодежи. Это наша история и наше будущее, и мы **плевать хотели** на марксизм и монархизм, на Возрождение и на Идею Всеобщей Судьбы!*

Таким образом, исследование средств актуализации категории эмотивности в тексте романа В. Аксенова «Остров Крым» позволило сделать вывод о преобладании микрополя эмотивной оценочности в авторском повествовании, в диалогах персонажей. Зона прагматической эмотивности, также представленная авторским повествованием и комментариями к диалогам персонажей, коррелирует с категорией экспрессивности. Средства выражения микрополя импульсивности доминируют во внутренней речи главного героя, причем специфика синкретичного нарратива, актуализированного в тексте романа, предполагает репрезентацию лексических средств зоны импульсивности, в частности бранных слов и инвектив. Вероятно, именно во внутренней речи персонаж обретает полную свободу выбора средств выражения эмоций, тогда как во внешней речи он ограничен рамками социальных конвенций. Более того, поскольку граница между авторским повествованием и речью внутренней графически не обозначена, то многие языковые средства микрополя импульсивности репрезентируют также и авторский субъективно-модальный план.

Микрополя функционально-семантического поля эмотивности в постмодернистском тексте, каковым можно считать текст романа Василия Аксенова, взаимодействуют друг с другом и с компонентами других функционально-семантических полей, прежде всего оценочности, экспрессивности и интенсивности. Авторские комментарии к внутренней и внешней речи персонажей, замечания по случаю, фиксирующие авторские рефлексии на ситуации советской жизни, поступки русских людей создают целостную картину эмоционального пространства романа, в которой доминирует ирония, перерастающая в сарказм, но сквозь них явственно проступает не только боль за русского человека, но и вера в исключительность его душевных сил.

Литература

Дюрен Ж. О стереолингвистике // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: сб. статей, посвященный юбилею Галины Александровны Золотовой. М.: Эдиториал УОСС, 2002.

Коростова С.В. Поле эмотивности: структурно-семантическая типология микрополей // Изв. Южного федерального ун-та. Филол. науки. 2010. № 3.

Попов И.В. Художественный мир произведений Василия Аксенова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2006.

References

Dyuren Zh. Ostereolingvistike // Kommunikativno-smyslovye parametry grammatiki i teksta / Sbornik statei, posvyashchennyi yubileyu Galiny Aleksandrovny Zolotovoi. M.: Editorial UOSS, 2002.

Korostova S.V. Pole emotivnosti: strukturno-semanticheskaya tipologiya mikropolei // Izv. Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filol. nauki. 2010. № 3.

Popov I.V. Khudozhestvennyi mir proizvedenii Vasiliya Aksenova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Arkhangel'sk, 2006.

Korostova S. V. (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation)

Actualization means if the category of emotive in the novel by Vasily Aksenov "Crimea Island"

Analysis of the emotional space of the novel by Vasily Aksenov is carried out taking into account the functioning of microfield of emotiveness, different levels of updated language means. The article explains the new approach to the typology of emotive language means associated with the release of the special micro fields/areas of functional-semantic field of emotive projecting to the fiction space of the text of the novel. It is shown the specificity of each microfield combining linguistic units of different levels, which are contained in the semantics of the intellectual and/or emotional. Considering the author and the subject of character-modal plans, the author relates the means of their representation with dedicated areas of dominant emotiveness. Particular attention is paid to syntactic structures, expressing the emotional state of the characters in the novel and the author's subjective-modal plan.

Research of actualization means of the category of emotiveness of the novel by V. Aksenov's "The Island of Crimea" allowed the author to conclude that the prevalence of emotional evaluation in microfield is in dialogues of the characters. The results of analysis are of interest due to the microfield of impulsivity, which is dominated by the internal voice of the protagonist. The author explains the reason for this situation by the fact that in inner speech the character acquires complete freedom of choice of means of expression of emotions, while external speech is limited by the scope of social conventions. Moreover, since the boundary between the author's narration and speech internal image is not defined, many language means of the microfield of impulsivity can represent the author's subjective-modal plan.

Key words: *literature communication, microfields of emotiveness, emotive utterance, author's irony.*

Korostova Svetlana Vladimirovna – candidate of philology, professor assistant of the Russian language dpt. Institute of philology, journalism and cross-cultural communication. Southern Federal University. Ph.: 8-905 429-87-01; e-mail: svetolen@yandex. ru